

Ибн Араби

ИЗБРАННОЕ

Том 2

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ
ИСЛАМСКОГО МИРА

УДК 28:141.336
ББК 86.38-8
И 14

16+

*Серия учреждена
Ученым Советом Института философии РАН*

Издание осуществлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры

Ибн Араби

И 14 Избранное. Т. 2 / Перевод с арабского, вводная статья и комментарии А. В. Смирнова. — 2-е изд. — М.: Языки славянской культуры: ООО «Садра», 2015. — 400 с. — (Философская мысль исламского мира: Переводы. Т. 2).

978-5-9551-0667-0

978-5-906016-46-1

Второй том «Избранного» Ибн Араби содержит отрывки из «Мекканских откровений» — самого значительного труда Величайшего шейха. Это «Тезисы», в которых дано авторское изложение учения Ибн Араби; «Вопросы и ответы», где раскрываются центральные положения его учения; «Наставления ищущему Бога», обращенные к ученикам, вставшим на путь суфизма.

В исследовательской части книги дана экспликация процессуальной логики и ее законов, рассмотрено ее соотношение с логикой Аристотеля, предназначенной для работы с субстанциями. В комментарии подробно продемонстрировано значение учета процессуальной логики для понимания смысла текстов Ибн Араби.

ББК 86.38-8

ISBN 978-5-9551-0667-0

9 785955 106670 >

ISBN 978-5-906016-46-1

9 785906 016461

© А. В. Смирнов, 2014
© Фонд исследований исламской культуры, 2014
© Языки славянской культуры,
оформление, макет, 2014
© ООО «Садра», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Смирнов А. В.

Шкатулка скупца, или почему мы верим в законы логики 9

Ибн ‘Арабī.

Мекканские откровения (избранное) 75

Введение 77

Об учении избранных из народа Божьего,
полученном путем умозрения и откровения [Тезисы]. 86

(Текст) 86

(Текст и комментарий) 109

Тезис [1] 109

Тезис [2] 111

Тезис [3] 124

Тезис [4] 125

Тезис [5] 146

Тезис [6] 150

Тезис [7] 154

Тезис [8] 163

Тезис [9] 164

Тезис [10] 165

Тезис [11] 165

Тезис [12] 167

Тезис [13] 167

Тезис [14] 169

Тезис [15] 174

Тезис [16] 175

Тезис [17] 176

Тезис [18] 179

Тезис [19] 182

Тезис [20] 183

Тезис [21] 184

Тезис [22] 184

Тезис [23]	185
Тезис [24]	187
Тезис [25]	190
Тезис [26]	192
Тезис [27]	199
Тезис [28]	206
Тезис [29]	209
Тезис [30]	210
Тезис [31]	211
Тезис [32]	212
Тезис [33]	213
Тезис [34]	214
Тезис [35]	215
Тезис [36]	217
Тезис [37]	219
Тезис [38]	223
Тезис [39]	224
Тезис [40]	224
Тезис [41]	224
Тезис [42]	228
Тезис [43]	228
Тезис [44]	229
Тезис [45]	229
Тезис [46]	230
Тезис [47]	230
Тезис [48]	231
Тезис [49]	232
Тезис [50]	237
Тезис [51]	237
Тезис [52]	240
Тезис [53]	240
Тезис [54]	243
Тезис [55]	244
Тезис [56]	246
Тезис [57]	248
Тезис [58]	249
Тезис [59]	250
Тезис [60]	253
Тезис [61]	254
Тезис [62]	254

Тезис [63]	257
Тезис [64]	258
Тезис [65]	259

Глава 73. О знании числа тайн, что открываются
свидетельствующему при встрече лицом к лицу,
а также об отклонении от встречи и о том,

насколько он отклоняется от нее [Вопросы и ответы]	262
Раздел.	262
Вопрос 23. Каков смысл его (мир ему!) речения: «Бог был, а с Ним — ничего»?	265
Вопрос 24. Что есть начало имен?	271
Вопрос 39. Что есть Величайший разум, от которого были отделены разумы для всех Его творений?	280
Вопрос 40. Каков атрибут Адама?	284
Вопрос 41. Чем удостоен он?	289
Вопрос 42. Каково его устройство, то есть устройство Адама, или человека?	295
Вопрос 43. Что такое устройство?	309
Вопрос 44. Почему Он назвал его человеком?	311
Вопрос 116. Что такое напиток любви?	321
Вопрос 117. Что такое чаша любви?	336

Смирнов А. В.

Архитектоника сознания и архитектоника текста:

вместо введения к «Наставлениям ищущему Бога»	339
Завершающая, 560-я глава, содержащая мудрые наставления, полезные — с Божьей помощью — ученикам, вставшим на Путь, достигшим Цели, а также всем, кто в них вникнет [Наставления ищущему Бога]	346
(Текст)	346
(Текст и комментарий)	354

**Об учении (*и'тиқād*) избранных из народа Божьего,
полученном путем умозрения (*назар*) и откровения (*кашф*)**

[Тезисы]

♦ Текст ♦

Хвала Богу, ввергающему разум в изумление при виде плодов энергий! Да ниспослет Бог благословение и мир Мухаммаду и его семейству!

Тезис [1]

Поистине, для разума есть предел, у которого он останавливается как мыслящий, не как восприимлющий. Ведь о том, что невозможно с точки зрения разума, мы говорим, что это может не быть невозможным в соотношении с божественностью, равно как о допустимом с точки зрения разума — что оно может оказаться невозможным в соотношении с божественностью.

Тезис [2]

Никакая соотношенность между Истинным, должным существовать благодаря Самому Себе, и возможным, пусть оно и является необходимым благодаря Ему с точки зрения тех, кто говорит об этом, в силу того, что этого требует либо Самость, либо знание с его мыслительными посылками, — не может быть установлена бытийными доказательствами. Между указанием и тем, на что указано, между доказательством и тем, что доказывается, должна каким-то образом иметься связанность, имеющая отношение и к указанию, и к тому, на что указано посредством этого указания: без этого указывающее никогда бы не достигло того, на что указывает его указание.

Творение и Истинный никаким образом не могут иметь ничего общего с точки зрения Самости. Однако, поскольку эта Самость характеризуется божественностью, то это — другое определение, которое разум самостоятельно постигает. А мы считаем, что знание обо всем том, что разум постигает самостоятельно, может предшествовать свидетельствованию этого. Однако Самость Всевышнего Истинного отлична от этого: ее свидетельствование предшествует знанию о ней, более того, она свидетельствуется, но не познается. А божественность познается, но не свидетельствуется: Самость ей противостоит.

Сколько ученых-рационалистов, притязающих на обладание уравновешенным разумом, утверждают, что мысль и умозрение дали им знание о Самости! Однако рационалист ошибается, ведь мысль его мечется между отрицанием и утверждением. Утверждаемое к нему же и восходит, ибо рационалист утверждает за Истинным именно то, каков он сам: знающий, могущий, волящий, — и так далее все имена. А отрицаемое восходит к несуществованию и отрицанию. Отрицаемое не является самостным атрибутом, ибо самостные атрибуты для сущего — утвержденные. Так этот мыслитель, мечущийся между утверждением и отрицанием, никакого знания о Боге не получает.

Тезис [3]

Как же скованному познать абсолютное, когда его самость этого не предполагает? Как возможное может добраться до познания Необходимого-благодаря-Себе, если для всякого лика возможно допустимы несуществование, гибель и нужда? Если бы был лик, объединяющий Необходимое-благодаря-Себе и возможное, то в нем для Необходимого-благодаря-Себе оказались бы допустимы те же гибель и нужда, что допустимы по отношению к возможному. Но в отношении Необходимого это абсурдно, а значит, абсурдно утверждать какой-либо лик, объединяющий Необходимое и возможное.

Лики возможного принадлежат ему, оно в самом себе допускает несуществование, а значит, это тем более справедливо для его ответвлений. [А тут] за возможным окажется утверждено то же, что за Необходимым-благодаря-Себе, с точки зрения этого объединяющего их лика. Но нет ничего, что было бы утверждено за возможным так же, как это утверждено за Необходимым-благодаря-Себе. Следовательно, наличие лика, объединяющего Необходимое-благодаря-Себе и возможное, абсурдно.

Тезис [4]

Но я утверждаю: божественность накладывает определения, пусть и сама является определением. В формах этих определений происходит проявление в тамошнем мире — так, как оно происходит, ведь имеется, как о том упоминается, расхождение в вопросе о видении пророком (мир ему!) своего Господа. Есть хадис: «Величайший свет в мерцании жемчуга и изумруда», а есть и другие.

Тезис [5]

Я говорю «волевое определение», а не «выбор», ибо, когда речь шла о выборе, она шла с точки зрения рассмотрения возможного вне его причины и причинности.

Тезис [6]

Вот почему я утверждаю то же, что оберегаемое откровение: что был Бог, а с Ним — ничего. Он (мир ему!) сказал только это — а что было сказано после этого, того здесь нет, а именно — их утверждения «Он сейчас таков, каким был»; они имеют в виду — таков же в суждении. Ведь «сейчас» и «был» относятся к нам, поскольку появились — они и им подобное — благодаря нам. Так уходит соотнесенность: то, о чем сказывается «Бог был, а с Ним — ничего», — божественность, а не Самость.

Вообще всякое суждение, выносимое в области знания о божественном относительно Самости, относится к божественности, а не к Самости. Это — определенности, накладываемые соотнесенностями, сопряженностями и отрицаниями: множественность — в соотнесенностях, а не в воплощенности.

Здесь поскользнулись те, кто, рассматривая атрибуты, смешал то, что приемлет уподобление, и то, что оно не приемлет. Они опирались на объединяющие вещи, такие как доказательство, истинность, причина и условие, и посредством их выносили суждения и о сокровенном, и о свидетельствуемом. Но для свидетельствуемого это допустимо, а для сокровенного — нет.

Тезис [7]

Море Облака — это перешеек между Истинным и Творением. В этом море возможное принимает описания «знающий», «могу-

щий» — описания всех божественных имен, которые у нас. А Истинный принимает описания «восхищаться», «улыбаться», «смеяться», «радоваться», «совместность» — и большинство характеристик бытийствующего. Отдай то, что Его, и возьми то, что твое! Ему — нисходить, а нам — восходить.

Тезис [8]

Тебе не прийти к тому, к кому хочешь прийти, иначе, нежели благодаря ему и благодаря себе: благодаря себе, поскольку ты ищешь этого, и благодаря ему, поскольку к нему устремлен ты. Так вот, божественность предполагает это, а Самость — нет.

Тезис [9]

К наделению существованием всего, что кроме Всевышнего Бога, обращена божественность со своими определенностями, соотношенностями и сопряженностями. Это она вызывает воздействия, ведь исключено, что возможен принуждающий без принужденного или могущий без подвластного, — будь то в существовании, в потенции или в акте.

Тезис [10]

Характеристика, особая из особых, которой нет ни у кого, кроме божественности, — это могущая. Ведь у возможного изначально нет могущества: оно имеет способность принять связанность божественного воздействия с собой.

Тезис [11]

Стяжание — это связанность воли возможного с каким-то одним, а не с другим, действием. Тогда божественное могущество при наличии такой связанности дает тому действию существование. Это и названо в отношении возможного стяжанием.

Тезис [12]

Для достигшего истинности принуждение неверно потому, что для раба оно противоречит верности действия. Ведь принуждать значит заставлять возможное действовать при наличии с его стороны сопротив-

ления. Минерал не принуждается, поскольку нельзя представить, чтобы он действовал, и у него нет обычного разума. И возможное не принуждается, поскольку нельзя представить, чтобы оно действовало, и у него нет осуществленного разума, пусть и появляются его воздействия.

Тезис [13]

Божественность с необходимостью требует, чтобы в мире были испытание и прощение. А потому нет большего основания изымать из бытия «Творящего возмездие», нежели «Прощающего», «Обладателя прощения» и «Дарующего благополучие». Если бы имелись имена, лишённые определяющего воздействия, они оказались бы остановленными. Однако остановить божественность невозможно, поэтому имена не могут не воздействовать.

Тезис [14]

Постигающий и постигаемое: каждое из них бывает двух видов. Есть постигающий, который познает, обладая силой воображения, и есть постигающий, который познает, не обладая силой воображения. Постигаемое также — двух видов. Есть постигаемое, которое имеет форму и которое не познается в своей форме и не запечатлевается тем, кто лишен силы воображения, но его познает и запечатлевает тот, кто обладает силой воображения. И есть постигаемое, вовсе лишённое формы: оно только познается.

Тезис [15]

Познание — это не запечатление познаваемого, и это не смысл, запечатлевающий познаваемое, ибо не каждое познаваемое может быть запечатлено и не каждый познающий может запечатлевать. Ведь познающий запечатлевает благодаря своему воображению, а для познаваемого обладать формой значит иметь её такой, когда её схватывает воображение. Но есть познаваемое, которое вообще не схватывается воображением, а значит, оно не имеет формы.

Тезис [16]

Если бы было допустимо, чтобы от возможного проистекало действие, то оно в самом деле было бы могущим. Однако оно не обла-

дает действием, а значит, не обладает и могуществом. Утверждение могущества за возможным — притязание, не подтвержденное доказательством. Мы согласны в этом вопросе с ашаритами, утверждающими его и вместе с тем отрицающими, что от него проистекает действие.

Тезис [17]

От того, что едино во всех отношениях, исходит только единое. А имеется ли то, что соответствует этому, или нет? Это для беспристрастного человека — предмет рассмотрения.

Разве ты не видишь, что ашариты приписывают Истинному созидание лишь постольку, поскольку Он — могущий, избирание лишь постольку, поскольку Он — волящий, совершенное устройство лишь постольку, поскольку Он — знающий? Однако быть волящим — не именно то же, что быть могущим. Значит, их утверждение о том, что Он един во всех отношениях, неправильно в плане всеобщей связанности.

Да и как может быть иначе, если они утверждают превышающие Самость атрибуты, имеющиеся в Нем, Всевышнем? То же относится к тем, кто говорит о соотношенностях и сопряженностях. Ни у кого не получилось единства во всех отношениях: либо их учения заставляют их признать их несуществование, либо они признают их.

А потому утверждение единства — только и именно для божественности: нет божества, кроме Него. Вот это — правильно и подкреплено доказательством.

Тезис [18]

Что Создатель знающий, живой, могущий (и так для всех атрибутов) — это соотношенности и сопряженности, а не воплощенности, дополнительные [к Самости], поскольку это означало бы ее ущербность. Ведь совершенный благодаря чему-то дополнительному ущербен по самости в сравнении с собственным совершенством, [полученным] благодаря этому дополнению. Но Он совершенен по Своей Самости: превысить Самость Самостью же невозможно; а благодаря соотношенностям и сопряженностям — не невозможно.

А что касается утверждения: они — не Он, но и не иные, нежели Он, — то оно как нельзя дальше отстоит от истины. Ведь речь

приверженца этого учения указала, вне всякого сомнения, что дополнения — а именно, «иное» — утверждены. Однако он подверг отрицанию это выражение, [сказав]: «не иное», а затем произвольно определяет иное, говоря, что два взаимно-иных — это такие, что могут разделиться во времени и месте, существовании и несуществовании. Однако никто из знающих данный вопрос не считает это определением иного.

Тезис [19]

Многочисленность связанностей Связанного не влияет на то, чтобы Ему быть Единым в Себе, равно как разделение того, о чем идет речь, не влияет на единичность речи.

Тезис [20]

Самостные атрибуты в отношении Описываемого ими, хоть и многочисленны, не указывают на многочисленность Описываемого в Самом Себе, ибо они — совокупность Его Самости, пусть и умопостижимы как отличные один от другого.

Тезис [21]

Всякая форма в мире — акциденция в субстанции. Это с формой происходят метаморфозы, тогда как субстанция едина. Разделенность — в форме, не в субстанции.

Тезис [22]

Тем, кто говорит, что от Первого следствия, хотя оно и едино, произошла множественность потому, что в нем наличествуют три аспекта: его причина, оно само и его возможность, — мы ответим: вы должны признать это (я имею в виду его многоаспектность при том, что оно едино) и в отношении Первой причины. Тогда почему вы запрещаете говорить, что от Нее может происходить что-либо, кроме единого? Либо вы должны признать проистекание множественности из Первой причины, либо — проистекание единого из Первого следствия, вы же не говорите ни того, ни другого.

Тезис [23]

Кто самостно совершенен и ни в чем не нуждается, тот не может быть причиной чего-либо, поскольку быть причиной значит зависеть от следствия. Однако Самость не зависит ни от чего, а значит, быть причиной не может. А вот божественность может принимать сопряженности.

Если же скажут, что божеством называют того, кто по самости совершенен и не нуждается, не подразумевая при этом ни сопряженностей, ни соотнесенностей, мы ответим, что выбор выражения не должен нас стеснять, в отличие от слова «причина»: в изначальном своем установлении и по своему смыслу причина требует следствия. Если же под причиной подразумевают то же, что под божеством, то это приемлемо, и тогда обсуждать это выражение будем только с точки зрения Закона: запрещает ли он, разрешает или молчит об этом.

Тезис [24]

Божественность — это такая степень Самости, которая принадлежит по праву только Богу. Она требует Того, Кому принадлежит по праву, не Он требует ее. А обожествляемое требует ее — и она требует его, Самость же не нуждается ни в чем. Если бы сия тайна, связывающая то, о чем мы сказали, исчезла, то божественность стала бы недействительной, тогда как совершенство Самости не стало бы недействительным. Об этом и сказал имам: в божественности есть тайна, и если она исчезнет, божественность станет недействительной.

Тезис [25]

Познание не изменяется с изменением познаваемого; изменяется связанность. А связанность — это соотнесенность с тем или иным познаваемым. Возьмем, например, связанность познания с тем, что Зайд будет и что он стал: познание связалось с тем, что он стал в данный момент, и перестало быть связанным с тем, что он будет. Из изменения связанности не следует изменение познания, как из изменения слышимого и видимого не следует изменение видения и слышания.

Тезис [26]

Итак, установлено, что познание не изменяется, — но и познаваемое также не изменяется. Ведь познаваемое познанием — это соотносительность двух истинно познанных предметов. Тело — это познаваемое, которое никогда не изменяется, и стояние — это познаваемое, которое не изменяется. А вот соотносительность стояния и тела — это такая познаваемая вещь, которой было приписано изменение. Но и соотносительность не изменяется; а данная особая соотносительность также имеет отношение только к данной особи, а потому не изменяется.

Нет ничего познаваемого, за исключением этих четырех. Это — три истинно-постигнутых предмета: соотносительность, предикат и субъект, — и особая соотносительность.

Если же нам скажут, что мы все же приписали изменение субъекту, поскольку увидели его сперва в одном состоянии, а затем — в другом, то мы ответим: ты взглянул на субъект неким особым образом, а не с точки зрения его истинности (ведь его истинность неизменна), и не с той точки зрения, что он — субъект (ведь это — истинность, которая также не изменяется). Нет, ты смотришь на него как на субъект-в-некоем-состоянии. Значит, другое познаваемое — это не субъект в том состоянии, которое, как ты утверждаешь, исчезло: оное [состояние] не отделяется от своего субъекта; на самом деле здесь — другой субъект, с которым — другая соотносительность.

Следовательно, не изменяется ни познание, ни познаваемое. Дело в том, что у познания — [разные] связности с познаваемыми; или же оно связывается с [разными] познаваемыми, — как угодно.

Тезис [27]

Никакое запечатленное знание не приобретает мысленным умозрением.

Приобретаемые знания — не что иное, как соотносительность одного запечатленного познаваемого с другим; соотносительность как таковая также принадлежит запечатленному знанию.

Ты считаешь запечатленное знание приобретаемым только потому, что можешь услышать некую высказанность, с помощью которой данная группа лиц условилась указывать на определенный смысл, который всем известен, но о котором не все знают, что на него указывает именно эта высказанность. И вот, некто спрашивает о смысле, кото-

рый называют данной высказанностью: «Что это за смысл?», — и тот, к кому обращен вопрос, фиксирует для него этот смысл, давая ему определение. Но если бы спрашивающий не знал о том смысле: о его смысловости и об указании, благодаря которому он смог узнать, что же подразумевал тот человек под термином, установленным для этого смысла, — то он бы и не воспринял все это и не понял, о чем тот говорит. Значит, все смыслы уже положены в душе и раскрываются со временем от состояния к состоянию.

Тезис [28]

Если считать познание охватыванием познаваемого, то познаваемое должно быть конечным. Однако оно не может быть конечным, а значит, охватить его невозможно.

Говорят, что знание охватывает истинность каждого познаваемого, а иначе оно не познано через охват. Но кто знает что-то лишь в одном отношении, а не во всех, тот не охватил это.

Тезис [29]

Видение разумом — познание, а видение зрением — путь познания.

Для Бога быть слышащим и видящим значит иметь отдельную связанность: это — две определяющих характеристики знания. Двойственность имеет место благодаря тому-с-чем-связано, а именно — услышанному и увиденному.

Тезис [30]

Безначальность — негативный атрибут, отрицающий первоначальность. Если мы говорим о божественности: «Первый», — то лишь в смысле степени.

Тезис [31]

Ашариты доказывают возникновение всего-что-кроме-Бога через возникновение того, что занимает место, и возникновение акциденций оного. Это неверно, если они не докажут, что все-что-кроме-Бога ограничивается тем, о чем они говорят. Мы признаем возникновение того, о возникновении чего они говорят.

Тезис [32]

Для любого самостоятельного и не занимающего место сущего, которое является возможным, верно, что с его существованием не текут времена и ему не требуются пространства.

Тезис [33]

Ашариты приводят такое доказательство: первое возможное могло [возникнуть] и до того времени, когда оно получило существование, и после (а ведь время здесь — подразумеваемое, а не сущее), а значит, избрание [именно этого времени] доказывает наличие Избирающего. Однако доказательство несостоятельно в силу несуществования времени, а значит, это не может доказывать. Им бы сказать так: соотнесенность возможного с существованием, или соотнесенность существования с возможным — это одна и та же соотнесенность постольку, поскольку это — соотнесенность, а не поскольку речь о данном возможном, а значит, избрание к существованию одних, а не других, возможных доказывает, что у них есть Избирающий. Вот в чем заключается возникновение всего-что-кроме-Бога.

Тезис [34]

Утверждение, что время — это воображаемая длительность движения небесной сферы, абсурдно, ведь воображаемое — это не действительно существующее, а они отрицают право ашаритов подразумевать время для первого возможного. Но тогда движение небесной сферы совершается в ничто. А если другой утверждает, что время — это движение небесной сферы, а небесная сфера занимает место, то движение будет совершаться исключительно в том, что занимает место.

Тезис [35]

Дивлюсь я двум большим группам, ашаритам и сторонникам учения о телесности, как они ошиблись относительно общих слов, решив, будто те означают уподобление. Но ведь в языке уподобление достигается, только если две вещи связаны словами «подобно» или «как», — а это едва ли найдется во всех тех аятах и вестях, что они сочли уподобляющими.

Далее, ашариты вообразили, будто бы, истолковав [их], они избавились от уподобления, — а сами и не расставались с ним! От уподобления телам они перешли к уподоблению возникшим смыслам, не имеющим вечностных характеристик по своей истинности и определению. Так что они вовсе не избавились от уподобления [Бога] возникшему.

И даже приняв их слова, мы не перейдем, например, от *истиѡā*’ («утверждение») в значении *истиѡrā*’ («упрочение») к *истиѡā*’ в значении *истиīlā*’ («овладение»), как это сделали они, — ведь Престол упомянут в связи с этим «утверждением», так что значение «овладение» становится невозможным в силу упоминания седалища, а значит, нельзя понять это в другом смысле, ином, нежели «упрочение».

Так вот, я говорю, что уподобление происходит, например, из-за «утверждения» (а «утверждение» — это смысл), а вовсе не из-за «того-на-чем-утвердились», то есть тѡла. Утверждение — смысловая умопостигаемая истинность, соотносимая с любой самостью согласно истинности той самости. Так что нет нужды изощряться в переносе [смысла слова] «утверждение» с его явного [значения на иносказательное]: это — очевидная ошибка, ее не скрыть.

Что касается сторонников учения о телесности, то им не следовало перемещаться от явного выражения к одному из его возможных толкований, с их-то верой и их стремлением придерживаться слов Всевышнего: «Нет ничего, подобного Ему».

Тезис [36]

Всевышний «не приказал непристойных деяний», равно и не велит их, однако судил им быть в Своем приговоре и предопределении.

Что Он не велит их, явствует из того, что непристойность — не их воплощенность, а Божье определение относительно их. Божье определение вещей не сотворено, а несотворенное не может быть велено.

Поскольку Он вменил нам сие в обязанность в качестве повиновения, мы считаем это для себя обязательным и говорим: [Его] веление, чтобы мы повиновались, утверждено традицией, а не разумом, так что утвердите это для непристойных деяний. Мы приняли это на веру, как приняли взвешивание деяний и их формы при том, что это — акциденции. Так что это не противоречит тому, к чему мы с необходимостью пришли, следуя доказательству.

Тезис [37]

Предметом желания не служит несуществование возможного, о котором судят как о предшествующем его существованию. Однако несуществование, что сопутствует ему, согласно суждению, в состоянии его существования (так как, если бы не существование, то это несуществование распространилось бы на него), служит предметом желания в состоянии существования возможного в силу допустимости сопутствия ему несуществования.

Несуществование возможного, которое не служит предметом желания, противостоит существованию Необходимого-благодаря-Себе, ибо ступень абсолютного существования противостоит абсолютному несуществованию возможного постольку, поскольку на этой ступени для него недопустимо существование.

Это касается только существования божественности, и ничего иного.

Тезис [38]

С точки зрения разума не невозможно вечное бытие, которое не является божеством. Если это не так, то лишь с точки зрения традиции.

Тезис [39]

Если Избирающий направляет волю на существование некоего возможного, то Он избирает его к существованию не постольку, поскольку это — существование, но в силу отнесенности существования к определенному возможному: ведь оно могло быть соотнесено и с каким-то другим возможным. Так что существование возможного вообще, а не какого-то определенного возможного, вовсе не является волимым и не осуществляется иначе, как для некоего определенного возможного; а если — для некоего определенного возможного, значит, существование волимо не как таковое, а в силу его соотнесенности с неким определенным возможным, никак не иначе.

Тезис [40]

Доказана утвержденность избирающей причины; и доказано, к примеру, что следует рассудить, что отрицается и что утверждается в отношении этой избирающей [причины], — как о том говорил

один теоретик в разговоре со мной. Мы рассуждали, как он хотел. Однако доказана утвержденность посланника от Пославшего, а потому мы приняли от посланника божественные соотнесенности и судили, что она является такой-то, а не такой-то. А как же иначе? Ведь есть ясное доказательство Его существования, и что Его существование — сама Его Самость, а не причина Его Самости (когда бы Он нуждался в другом, тогда как Он совершенен во всех отношениях). Итак, Он — сущий, и Его существование — сама Его Самость, никак не иначе.

Тезис [41]

Нужда возможного в Необходимом-благодаря-Себе и самостное отсутствие у Необходимого нужды в возможном называется божеством.

Ее связанность с самой собой и с истинностями всего осуществленного, будь то в существовании или в несуществовании, называется знанием.

Ее связанность с возможными — такими, каковы они — называется выбором.

Ее связанность с возможным с точки зрения предшествования знания возникновению возможного называется желанием.

Ее связанность с избиранием какого-то конкретного из двух допустимых [состояний] возможного называется волей.

Ее связанность с дарением существования созданному называется могуществом.

Ее связанность с извещением создаваемого о его создании называется приказанием. Оно бывает двух видов: опосредованное и непосредственное. С устранением опосредования приказание обязательно осуществляется, а при опосредовании — не обязательно: такое приказание не относится к самой истинности, ибо ничто не устоит перед приказанием Бога.

Ее связанность с извещением создаваемого о том, что его создание отклоняется или же отклоняется создание того, что может произойти от него, называется запретом. Запрет подразделяется так же, как приказание.

Ее связанность с передачей [знания] о том, какова она сама либо иное сущее, либо о том, что в душе, называется извещением.

Если она связывается с неким созданием: «Каким образом?», — это называется вопрошанием.

Если она связывается с ним, нисходя в виде приказания, это называется зовом.

Если [она] связывается с приказанием, обращенным к нему, это называется речью.

Ее связанность с речью, не обусловленная знанием, называется слышанием, а если она связалась [с речью] и за этой связанностью последовало понимание услышанного, это называется пониманием.

Ее связанность со светом и несомыми им видимыми вещами называется зрением и видением.

Ее связанность с постижением всякого постижимого, когда любая из всех этих связанностей допустима исключительно для него, называется жизнью.

Воплощенность во всем этом едина; связанности умножились в силу истинностей связываемого, а имена — [в силу истинностей] именуемого.

Тезис [42]

У разума есть свет, с помощью которого он постигает определенные вещи, и у веры есть свет, с помощью которого она постигает все, если отсутствует препятствие.

С помощью света разума ты приходишь к знанию божественности: что ей долженствует и что для нее неприемлемо, а также — что допустимо, а значит, не неприемлемо и не долженствует. А с помощью света веры разум постигает знание Самости и те характеристики, что Истинный соотнес с Собой.

Тезис [43]

Мы считаем, что познать определенность самостей можно, только познав самости соотносимые и самости-с-которыми-соотнесено. Вот тогда будет познана та особая соотнесенность с той особой самостью, как, например, «утверждение», «совместность», «фука», «око» и прочее.

Тезис [44]

Воплощенности не переменяются, и истинности не изменяются.

Огонь, к примеру, жжет в силу своей истинности, а не формы. Когда Всевышний говорит: «О огонь, будь прохладой и миром!», — то эта речь обращена к форме, а именно — к раскаленным углям.

Угольные тела жгут огнем, и поскольку в них имеется огонь, они были названы «огнем». Как они приняли жар, так примут и холод.

Тезис [45]

Пребывание — это постоянство существования пребывающего, и не более того. Это не дополнительный атрибут, который бы сам нуждался в пребывании, и так до бесконечности. Исключение — учение ашаритов о возникшем: пребывание — акциденция, а потому не нуждается в пребывании. Все это относится к пребыванию Всевышнего Истинного.

Тезис [46]

Речь как речь едина, разделение — в том-о-чем-речь, а не в самой речи. Значит, приказать и запретить, известить и осведомиться или попросить — единое в речи.

Тезис [47]

Различие в имени, именуемом и именовании — это различие в высказанности. Когда кто-то говорит: «Да будет благословенно имя Господа твоего!» и «Хвали имя Всевышнего твоего», — то это как запрещение брать свиток [Корана] с собой в поездку на вражеские земли.

Что касается довода посредством «имена, какими наименовали их вы»: что имя и есть именуемое, а значит, поклоняются отдельным вещам, — то ведь это соотносённости божественности они поклонялись. Довод, основанный на том, что имя — это именуемое, отпадает: если это и так, то лишь в языке и установлении, а не по смыслу.

Тезис [48]

Возможное существует лишь благодаря полноте степеней самостоятельного и познавательного существования.

Тезис [49]

Любое возможное заключено в одном из двух: либо в сокрытии, либо в проявлении. Значит, возможное получило существо-

вание в своих крайних пределах, наиболее совершенным образом: нет ничего совершеннее его. Если бы наиболее совершенное было бесконечным, то невозможно было бы представить сотворение совершенства. Однако оно получило существование в соответствии с пространством совершенства, а потому совершенно.

Тезис [50]

Познаваемое исчерпывается тем, что постигается явным и скрытым чувствами (это — постижение души) или прямым усмотрением, — и тем, что составляет из одного разум (если это — смысл) или воображение (если это — форма).

Воображение составляет только формы. Разум уразумевает то, что составляет воображение, тогда как воображение не в силах запечатлеть кое-что из того, что составлено разумом.

А божественное могущество — тайна, выходящая за пределы всего этого; о ней следует поразмыслить.

Тезис [51]

Быть хорошим или дурным — самостная [характеристика] хорошего и дурного. Но в одних случаях она постигается через рассмотрение совершенства либо ущербности, либо цели, либо соответствия или несоответствия естеству, либо установлению, а в других — только благодаря Истинному, то есть вытекает из Закона, когда мы говорим: вот это — дурное, а вот это — хорошее, — что является сообщением Закона, а не нормой, почему мы и обуславливаем это временем, состоянием и конкретным лицом. Ведь утверждают, что убийство имеет место и как инициированное, и при кровомщении, и при наказании за преступление; или же — что соитие происходит и при прелюбодеянии, и в браке, но как соитие оно — одно и то же в обоих случаях.

Но мы так не считаем. Ведь время различается; непрменные атрибуты брака отсутствуют при прелюбодеянии; время, когда нечто разрешено, — не то же самое, когда оно запрещено, даже если само запрещаемое — то же самое. Ведь движение Зайда в некий момент времени — не то же самое, что его движение в другой момент времени; а движение Амра — это не движение Зайда. Дурное никогда не станет хорошим, ибо движение, охарактеризованное как хорошее либо дурное, никогда не воспроизводится. Истинный знает, что является хорошим, а что — дурным, а мы не знаем.

Далее, если нечто — дурное, то его воздействие не обязательно будет дурным, оно может быть и хорошим. Так же и хорошее: его воздействие может быть дурным. Например, быть правдивым хорошо; но в некоторых случаях это может иметь дурное следствие. Или же лгать дурно; но в некоторых случаях следствие лжи может быть хорошим. Постигни же то, о чем мы намекнули тебе, — и обретешь истину.

Тезис [52]

Неверность доказательства не влечет неверности доказываемого. Так, например, несостоятельно утверждение сторонника учения о вселении: «Если бы Бог был в чем-то подобно тому, как Он был в Иисусе, то это оживляло бы мертвых».

Тезис [53]

Кто доволен приговором [Бога], не обязан проявлять довольство содержанием приговора. Приговор — это суждение Бога, и это им Он приказал нам быть довольными. А содержание приговора — это то-что-суждено, и нам не обязательно проявлять довольство им.

Тезис [54]

Если под произведением подразумевается возникновение произведенного смысла в душе произведшего — а таков прямой смысл слова «произведение», — то в отношении Бога это недопустимо. А если под произведением подразумевается возникновение такого произведенного, подобие которого ранее не существовало, то в таком понимании Истинному можно приписать произведение.

Тезис [55]

Связь мира с Богом — это связь возможного с необходимым, создания с создателем. Поэтому мир не имеет степени существования в безначальности, ибо это — степень Необходимого-благодаря-Себе, то есть Всевышнего Бога, с Которым нет ничего, неважно, сущий ли мир или не сущий.

Мнить между Богом и миром некий промежуток, представляя, будто на нем возможное может получить существование раньше или позже, значит иметь ложное мнение, лишённое всякой истины.

Вот почему в доказательстве возникновения мира мы заняли иную позицию, нежели ашариты, о чем было сказано в настоящих заметках.

Тезис [56]

Связанность знания с познаваемым не означает, что в душе познающего оказывается познаваемое или его подобие. Нет, знание связывается с познаваемыми такими, каковы они в своей конкретности, в существовании и несуществовании.

Когда говорят, что есть познаваемое, существующее в четырех степенях: ума, воплощенности, высказанности и письма, — то если под умом подразумевается [по]знание, то это неприемлемо, а если воображение, то приемлемо; при этом у каждого воображаемого познаваемого есть своя особенность, равно как у каждого, кто познаёт с помощью воображения.

Однако это верно лишь для умственного [познаваемого], ибо оно по форме соответствует воплощенному, тогда как высказанное и письменное [познаваемые] не таковы. Ведь высказанность и письмо установлены для того, чтобы указать [на смысл] и дать [его] понять, и здесь одна форма не совпадает с другой. Ведь произнесенный или написанный زَيد *Zayd* — это زَ *zāy*, يَ *īyā'* и دَ *dāl*, начертанные или произнесенные, и нет у него ни правого, ни левого, ни направлений, ни зрения, ни слуха. Поэтому мы и говорим, что этот совпадает с тем не как форма, но — как указание. Вот почему в случае общности, уничтожающей указание, нам бывает нужно прилагательное или приложение. А в умственном вообще не бывает соучастия. Пойми же все это.

Тезис [57]

В книге первой о познании мы перечислили, какими видами знания обладает разум, не сказав, откуда взяли это исчерпывающее перечисление. Знай, что разум обладает тремястами шестьдесятью ликами, к каждому из которых со стороны Величественного Истинного обращены триста шестьдесят ликов, из коих всякий питает его знанием, никаким другим ликом не даруемым. Умножь лики разума на источающие лики: ото всего этого — знания, которыми обладает разум, начертанные на Хранимой Скрижали, то есть в душе.

Мы говорим об этом как о божественном откровении, которое не опровергается доводами разума, а потому должно быть перенято так же, как от мудреца перенимают положение о трех аспектах Первого Разума, беря его целиком. А это тем более следует перенять, ведь философ притязает в том вопросе на умозрение, а потому привносит туда то, о чем мы говорили в «Существовании вопросов» в вопросе «О Белой Жемчужине», то есть о Первом Разуме, тогда как в то, о чем мы сказали, ничего не привнесено, поскольку мы притязаем здесь не на умозрение, а на то, чтобы дать знать. Поэтому тот, кто это отрицает, может сказать только: «Ты лжешь», — и ничего более; как тот, кто верит в это, скажет: «Ты сказал правду». Вот в чем разница между нами и теми, кто говорит о трех аспектах. Бог да содействует!

Тезис [58]

В мире Творения у любого возможного — два лика. Один обращен к его причине, другой — ко Всевышнему Богу. Всякая завеса и тьма, что находят на него, навлечены его причиной, а любой свет и раскрытие — со стороны его истины. А в мире Приказания ни для какого возможного нельзя представить для его истины завесу, ведь у него только один лик — чистый свет. «Не к Богу ли относиться должно искреннее благочестие?»

Тезис [59]

Разум доказывает, что создание — это то, с чем связано могущество. А Истинный говорит о Себе, что существование случается благодаря божественному приказанию: «Если Мы волим что-то, то говорим той вещи: “Будь!”, — и она получает существование». Поэтому следует рассмотреть, с чем связывается приказание и с чем — могущество, дабы соединить традицию и разум.

Мы скажем: подчинение [приказанию] случилось в силу Его речения «и она получает существование», и именно существование получило приказание. Таким образом, воля связалась с избранием одного из двух возможных, а именно — с существованием, а могущество — с возможным, производя в нем создание, каковое является умопостижимым состоянием между существованием и несуществованием. А затем речь связалась с приказанием к этой избранной воплощенности быть — и та подчинилась и стала. Не будь у возможного

воплощенности и не принимай она атрибута существования при обращении к той воплощенности приказания существовать, не случилось бы и существования.

А кто разъясняет «Будь!», говоря о приуготовленности того, на что направлена воля, не прав.

Тезис [60]

Умопостигаемость изначальности является в отношении имеющего-необходимость-существования-благодаря-другому негативной соотношенностью, отрицающей, что оно — абсолютная необходимость, ведь та служит началом для любого скованного [сущего], поскольку оно не может иметь к ней отношения.

Представим, что оно — там же, где абсолютная необходимость. Тогда либо оно было бы ею самой (что невозможно), либо гнездились бы в ней, что невозможно по разным основаниям: так, она самостоятельна; а также — если бы это [необходимое-благодаря-другому] гнездились в абсолютно необходимом, из этого вытекало бы, что последнее нуждается [в нем], и тогда оно конституировало бы либо его самость, что невозможно, либо его степень, что [также] невозможно.

Тезис [61]

Умопостигаемость начальности в отношении абсолютно необходимого — установленная соотношенность, которую разум не может разуместь иначе, нежели как опирание возможного на него. Вот в этом отношении оно будет начальным. Если представить себе, что возможное не существует ни в потенции, ни в акте, то соотношенность начальности исчезнет, не найдя того-с-чем-связаться.

Тезис [62]

Знай, что познать Создателя возможных [вещей] можно только с Его точки зрения (Сам Он знает [Себя]), а также — знать то, что существует благодаря Ему; ничто иное не допустимо. Ведь познать нечто значит охватить это полностью, а это в данном случае недопустимо, а значит, познать Его невозможно. Нельзя и знать [что-то отдельное] о Нем, ибо Он неделим. Значит, остается лишь знать то, что происходит от Него; а это — ты, ты и есть познаваемое.

Тому, кто скажет, что мы познаем Его, узнавая, что Он — не такой-то, мы ответим: это своих качеств ты лишил Его, как того требует довод против общности; и вот, ты для себя отличил себя от Самости, тебе не ведомой так, как она известна Самой Себе, а не она сделала Себя отличной для тебя: в ней самой нет положительных атрибутов.

Пойми то, что узнал, «и скажи: “Господи! увеличь во мне знание”». Если бы ты знал Его, Его бы не было, а если бы Он не знал тебя, тебя бы не было. Ведь благодаря Своему знанию Он создал тебя, и благодаря своему бессилию ты поклоняешься Ему. Он — Он для Него, не для тебя; а ты — ты для себя и для Него. Это ты связан с Ним, а не Он с тобой.

Окружность, взятая вообще, связана с точкой, точка, взятая вообще — не связана с окружностью; точка окружности связана с окружностью. Так же и Самость, взятая вообще — не связана с тобой, а божественность Самости связана с обожествляемым, как точка окружности.

Тезис [63]

То-с-чем-связано наше видение Истинного, — это Его Всевышняя Самость (Пречист Он!), тогда как то-с-чем-связано наше знание о Нем — это утверждение Его как божества благодаря сопряженностям и отрицаниям [атрибутов]. Таким образом, то-с-чем-связано здесь — разное, а потому про видение не говорится, что оно служит дополнительным разъяснением знания, поскольку различается то-с-чем-они-связаны. Даже если Его существование — сама Его чейность, невозможно отрицать, что уразуметь Самость — одно, а уразуметь, что она сушая, — другое.

Тезис [64]

Несуществование — чистое зло. Некоторые не могут уразуметь подлинное значение этих слов из-за их неясности.

Так говорили достигшие истинности ученые, прежние и последующие. Однако, сказав это, они не разъяснили смысл.

Один из посланцев Истинного сообщил нам в ниспосланном откровении о тьме и свете, что благо — в существовании, а зло — в несуществовании. В том долгом разговоре мы узнали, что Всевышний Истинный обладает абсолютным существованием без всякой скованности: Он — чистое благо, в котором отсутствует какое-либо зло.

Этому противостоит абсолютное несуществование, то есть чистое зло, лишенное какого-либо блага.

Таков смысл их слов о том, что несуществование — это чистое зло.

Тезис [65]

Не говорится поистине: допустимо, что Бог сделает это, и допустимо, что не сделает, ибо Его действие в отношении вещей не является применительно к Нему возможным и необходимость его не вызвана никаким дарителем необходимости. Однако говорят: допустимо и существование, и несуществование вот этого, а значит, оно нуждается в Дающем перевес, а именно — во Всевышнем Боге.

Исследовав весь Закон, мы не нашли в нем ничего, что противоречило бы сказанному. Поэтому мы говорим об Истинном: Ему, Всевышнему, должно то-то, для Него недопустимо то-то, но не говорим: для Него допустимо то-то.

* * *

Таково учение избранных из народа Божьего. А что касается учения о Всевышнем Боге, которого придерживаются избранные из избранных, то оно превышает оное. Мы распределили его по всей этой книге то здесь, то там, поскольку большинство умов за завесой своих мыслей не способны, не освободившись, постичь его.

Введение к этой книге окончено. Оно — как добавка: кто захочет, пусть переписывает его вместе с ней, а кто пожелает, может выпустить. «Бог говорит истину; Он указывает прямой путь».

♦ Текст и комментарий ♦

[1:80¹] Хвала Богу, ввергающему разум в изумление при виде плодов энергий²! Да ниспошлет Бог благословение и мир Мухаммаду и его семейству!

Комментарий

¹ В издании О. Йахйа — т. 1, с. 187 (§ 232), в булакском издании — т. 1, с. 43.

² Энергия (*химма*) — это иное название для способности человека *осуществить в себе* (в своей самости — *з̣āt*) связанность двух сторон миропорядка, мирской и божественной, и благодаря этому овладеть ими. Способность «распоряжаться» (*та̣с̣арруф*) в мире, вытекающая из этого, т. е. менять вещи так, как к этому способен, как обычно считают, только Бог, и ввергает разум в изумление. Подробнее энергия будет обсуждаться в «Вопросах и ответах», Вопрос 41 (см. с. 290 наст. издания).

Тезис [1]

Поистине, для разума есть предел, у которого он останавливается как мыслящий (*муфаккир*), не как восприимлющий (*қабил*). Ведь о том, что невозможно с точки зрения разума³, мы говорим, что это может не быть невозможным в соотнесении с божественностью, равно как о допустимом с точки зрения разума — что оно может оказаться невозможным в соотнесении с божественностью⁴.

Комментарий

³ Выражение «с точки зрения разума» может быть отсылкой и к вероучению, опирающемуся на рациональные приемы рассуждения (например, в его ашаритском варианте), и к философским положениям, вошедшим в широкий обиход благодаря *фалāсифа*. В этом смысле с точки зрения разума невозможны такие принципиальные тезисы учения Ибн ‘Арабī, как взаимное причинение между причиной и следствием (невозможно в свете философской концепции линейной причинности), двойственность ‘*илāх-ма’лūх* (божество-обожествляемое), т. е. двойственность Бога-и-мира, находящихся в *зāхир-батин*-отношениях (невозможно в свете тезиса вероучения об однократном

акте сотворения мира, до которого Бог извечно пребывал в одиночестве).

Отметим принципиальный момент: речь идет не о разуме вообще, а о конкретно понимаемых содержательных положениях. Свою собственную концепцию, невозможную «с точки зрения разума» в этом понимании последнего, т. е. несовместимую с данными, аксиоматическими для многих, если не для всех, положениями, Ибн 'Арабӣ считает не только проверяемой, но даже и устанавливаемой разумом, о чем мы будем говорить ниже.

⁴ С точки зрения разума допустимо, более того, аксиоматично положение об абсолютной трансцендентности Первоначала мира в отношении мира (это положение оформляется по-разному в вероучении и философии, но остается таковым и там и тут), — но оно невозможно «с точки зрения божественности», т. е. с точки зрения взаимной соотнесенности Истинного и Творения, Бога и мира, где одна сторона отображает другую: божественность — это совокупность всех вещей в состоянии их утвержденности и несуществования, где вещи соответствуют самим себе в мире, в состоянии своего существования.

Положение о несовместимости точек зрения разума и божественности — исходная позиция, необходимая Ибн 'Арабӣ для того, чтобы начать разворачивать свою концепцию, имеющую мало общего с традиционным вероучением и прежними философскими учениями. Но было бы ошибкой считать, что эта позиция — конечная. Ведь абсолютную трансцендентность Бога (то, что названо здесь точкой зрения разума) Ибн 'Арабӣ не отрицает вовсе: такого отрицания не высказано здесь, не будет его высказано и ниже. Несовместимость — это еще не отрицание: как раз необходимость *совместить несовместимое* стала едва ли не главной загадкой и не разрешенной (во всяком случае, до конца) проблемой его учения.

Все дело в том, что абсолютно трансцендентный Бог не может быть, согласно Ибн 'Арабӣ, причиной мира, и в качестве таковой у него выступает божественность; но божественность и абсолютная Самость (трансцендентная и никак не связанная с миром) — не две разные сущности, и вообще не двоица в каком-либо смысле, а строго одно и то же. С одной стороны, разделение абсолютной Самости и божественности — необходимый ход, который дает Ибн 'Арабӣ возможность построить объяснение связи Бога и мира. С другой, этого разделения *не должно быть*, оно должно быть преодолено, поскольку Самость и божественность не могут быть чем-то разным.